

DOI: 10.31857/S241377150013064-3

Вопреки “мифической независимости филологии от философии”: к истории формирования методологии А.Ф. Лосева

© 2020 г. Е. А. Тахо-Годи

Доктор филологических наук,
профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, 1-й учебный корпус;
ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а;
заведующая отделом Библиотеки-музея “Дом А.Ф. Лосева”,
Россия, 119002, Москва, ул. Арбат, д. 33
takho-godi.elena@yandex.ru

Дата поступления материала в редакцию 29 июня 2020 г.

Дата публикации: 31 декабря 2020 г.

Резюме. В статье рассматривается вопрос об отношении великого русского мыслителя А.Ф. Лосева (1893–1988) к одной из актуальнейших проблем рубежа 1910–1920-х годов — поиску новой синтетической методологии, нацеленной на междисциплинарный подход в изучении литературных текстов, синтезирующий опыт филологической науки — литературоведения и лингвистики, философии, эстетики и искусствоведения. Основой для реконструкции лосевской позиции становятся прежде неизвестные архивные материалы: подготовленный им доклад для получения в марте 1941 г. степени доктора филологических наук.

Благодарность. Исследование выполнено в Институте мировой литературы А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01432-П).

Ключевые слова: А.Ф. Лосев, филология, философия, эстетика, социология, синтетическая методология.

Для цитирования: Тахо-Годи Е.А. Вопреки “мифической независимости филологии от философии”: К истории формирования методологии А.Ф. Лосева // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 6. С. 56–63. DOI: 10.31857/S241377150013064-3.

Contrary to the “Mythical Independence of Philology from Philosophy”: on the History of the Formation of Aleksey F. Losev’s Methodology

© 2020 Elena A. Takho-Godi

Doct. Sci. (Philol.),
Professor at the M.V. Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia;
Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia;
Head of the Department at the Library-Museum “The A.F. Losev House”,
33 Arbat Str., Moscow, 119002, Russia
takho-godi.elena@yandex.ru

Received by Editor on June 29, 2020

Date of publication December 31, 2020

Abstract. The article considers the attitude of the great Russian thinker A. F. Losev (1893–1988) to one of the most urgent scholarly problems at the turn of the 1910s–1920s – the search for a new synthetic methodology aimed at an interdisciplinary approach to the study of literary texts, synthesizing the experience of philological science – literary studies and linguistics, philosophy, aesthetics and art studies. The basis for our reconstruction of Losev’s position is previously unknown archival material: a report prepared by him for obtaining the degree of doctor of Philology in March 1941.

Acknowledgment. The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Russian Science Foundation (RSF, project no. 17-18-01432-П).

Key words: A.F. Losev, philology, philosophy, aesthetics, sociology, synthetic methodology.

For citation: Takho-Godi, E.A. *Vopreki “mificheskoy nezavisimosti filologii ot filosofii”: K istorii formirovaniya metodologii A.F. Loseva* [Contrary to the “Mythical Independence of Philology from Philosophy”: On the History of the Formation of Aleksey F. Losev’s Methodology]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2020, Vol. 79, No. 6, pp. 56–63. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150013064-3.

Через десять лет после ареста, пережив лагерное заключение и годы скитаний по провинциальным вузам, А.Ф. Лосев сделал попытку формально утвердиться в советской науке – получить научную степень доктора филологических наук (звание профессора было присвоено ему еще в 1923 г.). Защищаться в Москве, где бывший арестант не мог найти себе постоянной работы, было невозможно. В 1940–1941 гг. философу удалось получить штатную должность профессора в Полтавском пединституте. Заведующий тамошней кафедры, где он читал лекции по античной литературе, посоветовал попытаться счастья в Харьковском университете. С организацией защиты согласился посодействовать известный литературовед, профессор Харьковского университета, ставший в 1939 г. академиком Академии Наук Украинской ССР, А.И. Белецкий, для знакомства с которым Лосев специально приехал в Харьков в мае 1940 г. Дело продвигалось вперед медленно из-за разных препон (см. об этом: [1, с. 214–219]). Защиту многократно переносили, в Ученом совете потребовали диссертации, а не доклада на присуждение степени по совокупности трудов, как предполагалось изначально, потом, благодаря хлопотам А.И. Белецкого, согласились на доклад. В итоге защита состоялась в марте 1941 г., но завершилась не так, как ожидалось: Лосева провалили. Он тяжело пережил эту неудачу. 24 марта 1941 г. он писал жене, что Харьков стал для него “символом погибшей научной деятельности”, хотя и “мелким звеном в бесплодном мучительстве целой жизни” [1, с. 219].

Причиной провала, по мнению А.И. Белецкого, лично на заседании не присутствовавшего, но знавшего обо всем со слов очевидцев, было собственное лосевское выступление перед Ученым советом университета. «Вы, обладая всяческой мудростью, не обладаете “мудростью змеиной”, учитывающей ситуации, людей и обстановку» [1, с. 218], – писал А.И. Белецкий Лосеву 20 марта 1941 г. А ситуация была неблагоприятная: из филологов на Совете присутствовал один лингвист Л.А. Булаховский, главное место занимали диаматчики, вооружившиеся номером журнала “Под знаменем марксизма” за 1929 г., где в передовой редакционной статье Лосев фигурировал среди “идеологических врагов марксизма и ленинизма”, живущих “духовной пищей капитализма” [2, с. 12]. А.И. Белецкий с горькой иронией разъяснял, что избранная стратегия выступления была ошибочной: Лосев не только “не отмежевался” от работ 1920-х гг., не догадался свою книгу “Античный космос и современная наука” (1927) “объявить грехом научной молодости, рассказать о тех откровениях, которые Вы получили от Вашего изучения классиков марксизма и т.д.”, но “открыто заявил о правоте своего правого дела”, как “мольеровский Альсест” [1, с. 218]¹. С мнением А.И. Белецкого Лосев не согласился, отношения между учеными испортились и восстановились уже после Великой Отечественной войны, во время которой, в 1943 г., Лосеву, допущенному на краткий срок к преподаванию логики на философском

¹ Речь идет о не желавшем кривить душой правдолюбе Альсесте, герое комедии Мольера “Мизантроп” (1666).

факультете МГУ (в 1944 г. его оттуда выгонят из-за доноса за идеализм), наконец присвоили искомую степень.

Именно этот доклад, помешавший Лосеву получить степень доктора филологических наук в марте 1941 г., мы теперь и вводим в научный оборот².

Этот текст важен не только с историко-биографической точки зрения, хотя даже открывающий его сухой перечень научных трудов, предложенных для рассмотрения в Ученый совет, сам по себе имеет для исследователей лосевского творчества огромный интерес, так как в нем фигурируют работы, о существовании которых прежде ничего не было известно, например, “Античное цветоведение” или “Материалы по истории античной художественной критики”. Но главное — перед нами не официальная автобиография, перечисляющая лишь голые факты, а уникальный эго-документ: история научного становления мыслителя, данная его собственными глазами. Лосев обзревает свой научный путь — от первых после студенческих лет до начала 1940-х, вычленяет ключевые и поворотные моменты, оценивает свои труды и методологию. В итоге речь “подзащитного” превращается в юбилейное слово к 25-летию научной деятельности — с ясным осознанием самим выступающим значимости достигнутого. Несомненно, Белецкий был прав: с дипломатической точки зрения, Лосев выбрал неправильный путь — вместо жалкого просителя он представал как большой ученый, ожидающий должного.

Оглядываясь на прошлое, Лосев особо выделял период с 1918 по 1921 гг., когда он впервые взялся за большое и сложное терминологическое исследование. Неприятие “филологического формализма и схематизма” привело его к статистическим подсчетам разных категорий значений терминов *εἶδος* и *ιδέα* у Платона, которого он в своем выступлении 1941 г. квалифицирует как “писателя”. Такая квалификация неслучайна, так как “статистика и очень субтильные синонимические анализы” в лосевском исследовании 1918–1921 гг. соединялись, как подчеркивает сам Лосев, с “новым подходом к языку Платона”. Новизна этого подхода заключалась в акцентировании внимания на “зрительности”, “художественных,

эстетических моментах”, на “образах” в сугубо отвлеченных диалогах философа. Недаром Лосев говорит о присущей ему “позиции свободного импрессионистического отношения к большим писателям древности”. Хотя через 20 лет он достаточно критически оценивал свои первые шаги в этом направлении, однако и в 1941 г. утверждал, что в “стремлении показать телесность, пластичность, скульптурность” в чисто философских текстах древних авторов проявилась “здоровая и сильная методология, которую необходимо употреблять и теперь”, так как она позволяет выявить именно *античные* методы мысли. Все 1920-е годы он преимущественно руководствовался этим принципом: “выдвижением художественной оптической методологии и с подчеркиванием скульптурного характера античной мысли”. Это, по его словам, предопределило главную тему тех лет — изучение построения *космоса* в поздней античности, когда “мифологически-астрономическое мышление греков достигло своей максимальной зрелости”. В завершенной в 1925 г. книге “Античный космос и современная наука” он стремился показать, как в изображении космоса проявились “универсальность и конкретность греческого мышления”, “его *пластика, скульптурность*”. Не без гордости автор констатирует, что, несмотря на трудность восприятия, эта книга и к 1941 г. “не имеет конкурентов” не только в отечественной, но и в мировой науке.

Переломным этапом своей научной деятельности Лосев считает выход в 1930 г. книги “Очерки античного символизма и мифологии”. По его признанию, хотя традиции “старой отвлеченной университетской филологии” здесь еще сохраняются, но зато впервые, наряду с “пластически-зрительной интерпретацией античности”, проводится социологический анализ.

“Кто сознательно подошел к современности на основании исторического изучения нашей науки, тот хорошо понимает, какой насущной необходимостью является теперь в эстетике диалектический и социологический метод” [3, с. 22–23], — подчеркивал Лосев в 1929 г. в программе “О преподавании эстетических дисциплин в Консерватории” [4]. В этой программе, кстати сказать, есть чрезвычайно важное суждение, помогающее дифференцировать лосевский интерес к социологической проблематике от господствующей марксистско-ленинской теории, которую мыслитель

² Машинописная копия текста хранится и в личном деле А.Ф. Лосева за 1940–1943 гг. в связи с получением звания доктора наук в фонде ВАК при совете Министров СССР (см.: ГА РФ. Ф. Р9506. Оп. 12. Ед.хр. 219. Л. 63–66).

(по понятным причинам) не мог просто проигнорировать. Лосев писал: “Кто подойдет <...> исторически к современной эстетике, то убедится, что диалектика и социология в эстетике вовсе не есть выдумка русских марксистов, но что это — вполне созревшее течение международной философии” [3, с. 23].

В 1941 г., уступая под давлением обстоятельств, Лосев самокритично замечал, что социологический анализ давался им в конце 1920-х годов “еще с позиций полу-идеалистических, полу-эклектических” и что только в 1930-е годы, после изучения К. Маркса и Ф. Энгельса, он получил “теоретическое завершение, с привлечением и использованием всех основоположников марксизма”, в результате чего его работы “Эстетика Гомера”, “Исследования из области греческой эстетической терминологии” (оставшиеся в 1930-е годы неопубликованными как раз из-за препон советской власти) приобрели “более правильное и более методологическое углубление в историко-социологические методы”. Он вынужден обосновывать свое восходящее к Э. Гуссерлю феноменолого-диалектическое стремление “к пластически-зрительной интерпретации античных образов” тем, что классики марксизма высоко ценили “художественность” материализма древних авторов. (Однако даже эти “реверансы” в адрес марксизма были сочтены недостаточными диаматчиками из Ученого совета Харьковского университета.)

Подлинным итогом многолетних социологических размышлений Лосев считал свою двухтомную историю античной эстетики, которая, так и не увидев свет в 1930-е годы, в послевоенное время стала главным делом жизни мыслителя и за четыре десятилетия работы превратилась в монументальные восемь томов, охватывающих целое тысячелетие античной культуры. В 1930-е годы в двухтомной “Античной эстетике” Лосев намеревался показать живую связь “идеологии с общественностью”, продолжить “терминологическое и синонимическое исследование” и изучение античности с точки зрения “зрительно-телесных и скульптурных интуиций”, что в совокупности, по его мнению, позволяло реализовать главную цель — выявить культурно-социальную специфику античности, “не сводимой ни на какие другие культурные типы”.

История античной эстетики оказалась для мыслителя тем полем, где равноправно могли взаимодействовать все привлекавшие его

дисциплины и методы — в том числе и философия, и филология. Из союза феноменолого-диалектической морфологии культуры, социологии и истории идей, базирующейся на филологическом анализе философской терминологии, рождался оригинальный лосевский метод типологии культуры. Так что недаром он утверждал в 1929 г., что “для работы собственного диалектического метода и мировоззрения нет никакого более удобного пособия, чем изучение истории эстетики” [3, с. 22].

Особого внимания заслуживает в лосевском докладе 1941 г. и то, что выдвинутые на защиту труды он представляет как филологические, а не сугубо философские. Интерпретировать эту автопрезентацию только конъюнктурными целями — получением степени доктора *филологических наук* — было бы излишне упрощенно. То движение к художественному осмыслению философских текстов, которое в современном сознании сопряжено с именем Жака Деррида, задавшего вопросом: а не является ли философия одним из видов литературы? — в истории науки начинается задолго до деконструктивизма, причем раньше всего необходимость союза филологии и философии стала очевидна именно ученым, занимавшимся анализом текстов древних мыслителей.

Правда, нельзя не вспомнить резкого лосевского пассажа из работы “Терминология учения Платона об идеях (εἶδος и ἰδέα)”, создававшейся в 1918–1921 годы, но опубликованной лишь в 1930 г. в книге “Очерки античного символизма и мифологии”. Тогда, на рубеже 1910–1920-х годов, Лосев с предельной заостренностью декларировал, что невозможно “понять терминологию Платона без известной собственной философской культуры”, что его терминологические штудии — работа исключительно историко-философская и “менее всего филологическая” [5, с. 140], в основе которой лежит “определенная система теоретико-философских воззрений” [5, с. 141], отчего по-настоящему оценить ее смогут лишь философы и историки философии.

Почти с ницшеанской дерзостью молодой ученый насмехался над “объективным филологом”, “жалкой жертвой случайных и отрывочных философских воззрений, оставшихся у него от школьных учебников”, который при изучении понятия эйдоса и идеи у Платона станет утверждать, что “в данном случае филология не зависит от философии, и в частности

от философских воззрений самого исследователя” [5, с. 140]. Он резко выступал против “несуществующей филологической объективности и мифической независимости филологии от философии” [5, с. 140–141] и тем более от зависимости филологии “от непродуманных и случайных философских предрассудков и той или другой дилетантской традиции”, когда доморощенный позитивизм заставил знаменитого У. фон Виламовица-Мюллендорфа “оторвать трагедию от культа Диониса” [5, с. 141]. Он советовал филологам, “прежде чем оценивать Платона или работу о Платоне, заняться на несколько лет философией вообще и получить хотя бы элементарную философскую школу для собственного ума” [5, с. 141]. С его точки зрения, как “для истории языка нужна лингвистическая школа; для истории искусства нужна насмотренность глаза и школа анализа художественных произведений”, как историку математики, астрономии, анатомии “нужно сначала знать математику, астрономию, анатомию и владеть научной терминологией этих наук”, так и для изучения философской терминологии Платона нужна не просто филология, но “философская школа” [5, с. 141]. Он не сомневался, что отрицать это — значит не понимать, что философия — это “строгая и притом специфическая школа ума”: «Как лингвисту смешны наивности новичка и дилетанта в грамматике, так мне смешны суждения о Платоне авторитетных филологов, которые тоже — “не прочь пофилософствовать”» [5, с. 141]. Лосев высказывал надежду, что наступят времена, “когда наконец исчезнет узость философской науки и филологи займутся более внимательно собственной философской культурой” [5, с. 141].

Включая этот ранний текст в книгу 1930 г., автор отказался от его корректировки, но отметил в примечании, датированном 1928 г., что “времена изменились” и что за последние 10–15 лет старая филология, которую он осмеивал в 1918–1921 гг., безвозвратно ушла в прошлое [5, с. 141]. Среди тех, кто внес вклад в обновление филологии, он назвал двух немецких ученых, своих старших современников — К. Фосслера и О. Вальцеля.

Упоминание именно этих имен — известного лингвиста, критика младограмматистов и сторонника “эстетического идеализма” Карла Фосслера (1872–1949) и Оскара Вальцеля (1864–1944), в 1920-е годы занявшегося

проблемой художественной формы³, исходя из принципа “сравнительного изучения искусств”, с опорой на искусствознание и эстетику, — в книге 1930 г. чрезвычайно симптоматично. И не только потому, что через десятилетия Лосев будет писать об О. Вальцеле и К. Фосслере (а также об ученике К. Фосслера Лео Шпитцере) в работе 1970-х годов “Некоторые вопросы из истории учений о стиле”, ссылаясь на книгу К. Фосслера “Дух и культура в языке” (“Geist und Kultur in der Sprache”. Heidelberg, 1925) и резюмировать понимание К. Фосслером стиля очень близким для себя образом: “Таким образом, стиль языка есть не что иное, как *изваяние* соответствующей национальности и скульптурно выраженная национальность” [6, с. 152].

Симптоматичность упоминания Лосевым в опубликованной в 1930 г. книге имен К. Фосслера и О. Вальцеля станет очевидна, если мы вспомним, что в то же время, в 1928 г., В.М. Жирмунский издал сборник “Проблемы литературной формы”, включающий работы “авторитетных зачинателей нового движения” [7, с. 8]: О. Вальцеля, В. Дибелиуса, К. Фосслера, а также Л. Шпитцера, с которым прочно ассоциировался “поворот в немецкой лингвистике от исторической грамматики и стилистики к эстетике языка” [8, с. XI]. В.М. Жирмунский указывал не только на причинную связь успеха идей К. Фосслера “с общим интересом к культурно-философским проблемам, который наблюдается в современной Германии” [8, с. VIII–IX], но и объяснял корни самого этого интереса — поиск филологией новой синтетической методологии.

О том, что поиск синтетической методологии был одной из центральных научных задач 1910-х гг., В.М. Жирмунский свидетельствовал как очевидец в статье 1927 г. “Новейшие течения историко-литературной мысли в Германии”, вспоминая свое пребывание в Германии в 1911–1913 гг.: “Я приехал в Германию с теми научными запросами, которые наше поколение тщетно предъявляло в самой России к преподаванию науки о литературе: с интересом к широкому синтетическим обобщениям в области философских, эстетических, культурно-исторических проблем” [7, с. 5]. Вот почему ему самому оказалась так близка пионерская в этом плане работа филолога-классика, видного представителя немецкой

³ Напомним, что сам Лосев пишет в начале 1920-х годов книгу “Диалектика художественной формы”.

духовно-исторической школы и популяризатора идей Вильгельма Дильтея Рудольфа Унгера (1876–1942) “Философские проблемы в немецкой науке о литературе” (1908)⁴, в которой автор, полемизируя с филологическим позитивизмом, призывал “вернуться назад к основоположникам немецкой историко-литературной мысли в период, предшествующий образованию филологической школы, к Гердеру и Шлегелям, для которых изучение литературы было тесно связано с проблемой широкого философско-исторического и культурно-исторического синтеза” [7, с. 7].

В Предисловии к сборнику 1928 г. В.М. Жирмунский писал: «В центре научных интересов нового поколения исследователей стоят проблемы историко-литературного синтеза — культурно-философского, эстетического, социологического. При этом проблемы культурно-философские (“*geistes geschichtliche Synthese*”⁵) несомненно пользуются преимущественным вниманием молодого поколения, что вполне объясняется старинными традициями развития гуманитарных наук в Германии, сохранявших тесную связь с философией вообще и специально с философией культуры. <...> Следует отметить, что проблемы такого рода не являются новостью для немецкой нации. Изучение вопросов метрики, стилистики, теории литературных жанров и т.п., ориентированное на богатое наследие античной поэтики и риторики, на всем протяжении XIX века продолжало оставаться предметом интереса специалистов — филологов, воспитывавшихся в традициях филологии классической. С другой стороны, общие вопросы искусствознания и эстетики охотно разрабатывались немецкими философами (от Шеллинга и Гегеля — до Фолькельта и Липпса) на конкретном материале поэтических произведений. Для нашего времени характерно, однако, принципиальное заострение этих проблем в связи с общим методологическим кризисом в истории литературы и лингвистике и пересмотром принципов построения синтетического литературоведения» [8, с. III–IV].

⁴ Работа Р. Унгера опубликована по-русски в переводе В.В. Библихина [9].

⁵ «Наиболее интенсивно разрабатываются в Германии проблемы философско-исторического синтеза (“*geistes geschichtliche Synthese*”): в настоящее время это, несомненно, — господствующее направление историко-литературной мысли», — писал Жирмунский в статье “Новейшие течения историко-литературной мысли в Германии” [7, с. 9].

Собственно говоря, стремление к синтетическому литературоведению было реакцией на тот позитивистский филологизм, который расцвел к середине XIX в. в Германии, когда, по остроумному суждению профессора Принстонского университета историка Э. Графтона, немецкая классическая филология пришла к 1850-м годам от фигуры просвещенческого ученого-“полигистора” к филологу-педанту и фактографу [10]. Новое поколение ученых — и в Германии, и в России — хотело вырваться из тисков этого позитивистского филологизма и достигнуть утраченного полигисторства.

К новому, синтетическому типу филологии стремился и Лосев. Он шел к этому от первого юношеского незавершенного трактата “Высший синтез как счастье и ведение” 1911 г. [11, с. 63–77], от пока риторически звучащего восклицания: «Современность возжаждала синтеза более, чем всякая другая эпоха. Философская мысль расплачивается теперь своей беспомощностью и тоской по высшему синтезу за слепое самоотдание технике и “открытиям” XIX века, за долгое блуждание в лабиринте гносеологической схоластики, за безрелигиозность, под знаком которой протекла вся новая культура» [12, с. 52], — из открывающей его научный путь статьи 1915 г. “Эрос у Платона”. Этим на исходе 1910-х годов вызваны его выпады против старой филологии и отказ от причисления себя к “филологам”. К 1941 г. он уже окончательно выработал оригинальную методологию, и поэтому отмежевывался от филологии, тем более от ее новейших западноевропейских тенденций (о которых говорить на заседании Харьковского Ученого совета не представлялось возможным), уже не имело никакого резона. В докладе 1941 г. Лосев только акцентирует внимание на том, что его научная методология “вырабатывалась медленно, органически и путем длительной, неспешной работы”, а не сводилась к “внешнему использованию соответствующей фразеологии”. Именно это, как признается философ, делает его “спокойным в своей научной работе и целиком ответственным за свои научные методы”.

Обозревая собственную научную деятельность за 25 лет, мыслитель прочерчивал эволюционную траекторию не только своей методологии, но и самой *тематики* исследований: от изучения философских и поэтических текстов к текстам мифологическим, а затем, в 1930-е годы, преимущественно искусствоведческим.

Итогом этих “искусствоведческих” (эстетических) исследований в 1930-е годы стали работы “Античное цветоведение”, “Материалы по истории античной художественной критики”, “Исследования из области греческой эстетической терминологии”, “Античная эстетика”, к сожалению, утраченные — полностью или частично — буквально через полгода после злосчастной защиты в Ученом совете Харьковского университета во время бомбежки Москвы в августе 1941 года. Но интерес к терминологии сохранился на протяжении всего дальнейшего лосевского творчества, так как в его основе лежало твердое убеждение, что “нельзя изучать античной литературы без полного анализа всех употреблявшихся в ней слов”. Эта исходная установка, сформировавшаяся в сознании ученого еще в 1910-е годы, принципиально не изменилась⁶. Вот почему для Лосева античная философия и ее виднейшие представители всегда были частью единой античной литературы, эстетическую сущность которой можно было изучить, только опираясь на новую синтетическую филологию⁷, имеющую серьезный философский фундамент.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тахо-Годи А.А. Лосев. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 2007. 534 с.
2. Под знаменем марксизма. 1929. № 10–11.
3. Лосев А.Ф. О преподавании эстетических дисциплин в консерватории / Подготовка текста, примечания Е.А. Тахо-Годи // Научный вестник Московской консерватории. 2015. № 4. С. 15–27.
4. Тахо-Годи Е.А. От программы преподавания эстетических дисциплин к “Истории античной эстетики” // Научный вестник Московской консерватории. 2015. № 4. С. 9–13.
5. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Издание автора, 1930. 911 с.
6. Лосев А.Ф. Учение о стиле. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 456 с.
7. Жирмунский В.М. Новейшие течения историко-литературной мысли в Германии // Временник отдела словесных искусств. Вып. II.

⁶ Недаром Лосеву оказались особо близки исследования в этой области выдающегося немецкого филолога-классика Бруно Снелля (1896–1986), об этом см.: [13]; [14].

⁷ Отличие лосевского представления о синтетической филологии от воззрений на эту проблему В.М. Жирмунского или М.М. Бахтина — тема, требующая специального исследования.

- Поэтика: Сборник статей Л. Гинзбург, В. Жирмунского, Б. Ларина, Б. Томашевского, А. Федорова, К. Шимкевича. Л.: Academia, 1927. С. 5–28.
8. Жирмунский В.М. Предисловие // Проблемы литературной формы: Сборник статей О. Вальцеля, В. Дибелиуса, К. Фосслера, Л. Шпитцера / Перевод под ред. и с предисл. В. Жирмунского. Л.: Academia, 1928. С. III–XVI.
 9. Унгер Р. Философские проблемы в немецкой науке о литературе / Пер. В.В. Бибихина // За рубежом эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе. М.: Издательство Московского университета, 1987. С. 143–168.
 10. Графтон Э. От полигистора к филологу (как преобразилась немецкая наука об античности в 1780–1850-е годы) / Пер. С. Силаковой // Новое литературное обозрение. 2006. № 6. С. 59–92.
 11. Лосев А.Ф. На рубеже эпох: Работы 1910-х — начала 1920-х годов / Общ. ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкий, сост. Е.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкий. Комм. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкий. М.: Прогресс-Традиция, 2015. 1088 с.
 12. Лосев А.Ф. Эрос у Платона // Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве 1891–1916: Статьи по философии и психологии. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1916. С. 52–78.
 13. Тахо-Годи Е.А., Резвых П.В. А.Ф. Лосев и Бруно Снелль: к истории научных и биографических контактов // Вопросы философии. 2017. № 10. С. 76–85.
 14. Лосев А.Ф. Переписка с Бруно Снеллем. Рецензия на “Словарь раннегреческого эпоса” / Публикация П.В. Резвых и Е.А. Тахо-Годи, перевод П.В. Резвых // Вопросы философии. 2017. № 10. С. 86–93.

REFERENCES

1. Takho-Godi, A.A. *Losev* [Losev]. Moscow, Molodaja gvardia Publ., 2007. 534 p. (In Russ.)
2. *Pod znamenem marksizma* [Under the Banner of Marxism]. 1929. No. 10–11. (In Russ.)
3. Losev, A.F. *O prepodavanii esteticheskikh distsiplin v Konservatorii* [About the Teaching of Aesthetic Subjects in the Conservatory, Publication and Notes by Elena A. Takho-Godi]. *Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii* [Scientific Bulletin of the Moscow Conservatory]. 2015. No. 4, pp. 15–27. (In Russ.)
4. Takho-Godi, E.A. *Ot programmy prepodavaniya esteticheskikh distsiplin k "Istorii antichnoy estetiki"* [From the Programme of Teaching Aesthetic

- Disciplines to the “History of Ancient Aesthetics”]. *Nauchnyj vestnik Moskovskoj konservatorii* [Scientific Bulletin of the Moscow Conservatory]. 2015. No. 4, pp. 9–13. (In Russ.)
5. Losev, A.F. *Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii* [Essays on Classical Symbolism and Mythology]. Moscow, Izdaniye avtora Publ., 1930. 911 p. (In Russ.)
6. Losev, A.F. *Ucheniye o stile* [The Study of Style]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019. 456 p. (In Russ.)
7. Zhirmunskiy, V.M. *Noveyshiye techeniya istoriko-literaturnoy mysli v Germanii* [The Latest Trends in Historical and Literary Thought in Germany]. *Vremennik otdela slovesnykh iskusstv. Vyp. II. Poetika: Sbornik statey L. Ginzburg, V. Zhirmunskogo, B. Larina, B. Tomashevskogo, A. Fedorova, K. Shimkevicha* [Annals of the Department of Verbal Arts. Iss. II. Poetics: Collection of Articles by L. Ginzburg, V. Zhirmunsky, B. Larin, B. Tomashevsky, A. Fedorov, K. Shimkevich]. Leningrad, Academia Publ., 1927, pp. 5–28. (In Russ.)
8. Zhirmunskiy, V.M. *Predisloviye* [Foreword]. *Problemy literaturnoy formy: Sbornik statey O. Valtselya, V. Dibeliusa, K. Fosslera, L. Shpittsera* [Problems of the Literary Form: Collection of Articles by O. Waltzel, V. Dibelius, K. Fossler, L. Spitzer. Translation under Supervision and with the Foreword by V. Zhirmunsky]. Leningrad, Academia Publ., 1928, pp. III–XVI. (In Russ.)
9. Unger, R. *Filosofskiye problemy v nemetskoy nauke o literature* [Philosophical Problems in the German Science of Literature. Transl. by V.V. Bibikhin]. *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX–XX vv. Traktaty, statii, esse* [Foreign Aesthetics and Theory of Literature of the 19th–20th Centuries. Treatises, Articles, Essays]. Moscow, Izdatelstvo Moskovskogo universiteta Publ., 1987, pp. 143–168. (In Russ.)
10. Grafton A. *Ot poligistora k filologu (kak preobrazilas nemetskaya nauka ob antichnosti v 1780–1850-ye gody)* [Polyhistor into Philolog: Notes on the Transformation of German Classical Scholarship, 1780–1850, transl. S. Silakova]. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New Literary Review]. 2006. No. 6, pp. 59–92. (In Russ.)
11. Losev, A.F. *Na rubezhe epokh: Raboty 1910-kh – nachala 1920-kh godov* [At the Border of Epochs: Works of 1910’s – Beginning of 1920’s, Ed. by A.A. Takho-Godi, E.A. Takho-Godi, V.P. Troitskiy, comp. by E.A. Takho-Godi, V.P. Troitskiy; comm. by A.A. Takho-Godi, E.A. Takho-Godi, V.P. Troitskiy]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2015. 1088 p. (In Russ.)
12. Losev, A.F. *Eros u Platona* [Eros at Plato]. *Georgiyu Ivanovichu Chelpanovu ot uchastnikov yego seminariyev v Kiyeye i Moskve 1891–1916: Statii po filosofii i psikhologii* [Georgiy Ivanovich Chelpanov from Participants in his Seminars in Kiev and Moscow 1891–1916: Articles on Philosophy and Psychology]. Moscow, Tovarischestvo tipografii A.I. Mamontova Publ., 1916, pp. 52–78. (In Russ.)
13. Takho-Godi, E.A., Rezvykh, P.V. *A.F. Losev i Bruno Snell: k istorii nauchnykh i biograficheskikh kontaktov* [A.F. Losev and Bruno Snell: to the History of Correspondence and Scientific Contacts]. *Voprosy filosofii*. 2017. No. 10, pp. 76–85. (In Russ.)
14. Losev, A.F. *Perepiska s Bruno Snellem. Retsenziya na “Slovar rannegrecheskogo eposa”* [Correspondence with Bruno Snell. Review about “Lexicon of Early Greek Epos”, Ed. by P.V. Rezvykh, E.A. Takho-Godi, transl. P.V. Rezvykh]. *Voprosy filosofii*. 2017. No. 10, pp. 86–93. (In Russ.)